

Правовые основы защиты свободы вероисповедания

Моя роль заключается в том, чтобы раскрыть тему, весьма животрепещущую с точки зрения адвоката. Здесь я буду выполнять роль представителя как Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата (далее – Церковь), так и ставропигиального Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря (далее – Монастырь). В этом качестве я буду участвовать в текущих и возможных будущих правовых спорах, защищая их интересы, совместно с присяжным адвокатом Артуром Князевым.

Мы пребываем в ситуации, когда свобода вероисповедания находится под угрозой по очень простой причине: изменившаяся геополитическая ситуация, которая весной 2024 года увенчалась заявлением Рийгикогу¹, в котором Московский Патриархат рассматривается как институт, поддерживающий российскую военную агрессию. Как представители, мы обратились в Рийгикогу с просьбой о более точном содержании заявления, чтобы прояснить, в каком статусе в свете этого заявления находятся Церковь и Монастырь.

Через канцелярию Рийгикогу мы получили ответ, что они были включены в это заявление. Это привело к судебному разбирательству – предстоит выяснить, может ли Рийгикогу сделать заявление, наносящее ущерб такого масштаба свободе вероисповедания и стигматизирующее репутацию Церкви и Монастыря, действующих в Эстонии. В худшем случае такое заявление может быть защищено индемнитетом члена Рийгикогу, то есть свободой выразить политическое мнение.

Наша задача – взглянуть на всю эту ситуацию чуточку шире, и это дает нам четкое понимание того, что такими непроанализированными, невзвешенными и случайно обобщающими соотечественников враждебными высказываниями в обществе сеют смятение и распространяют враждебность. Подобные действия означают реальные последствия и направлены на достижение конкретной цели, которая в данном случае приводит к нарушению принципа свободы вероисповедания, оказывая существенное влияние на реализацию этого права.

---

¹ Riigikogu kuulutas Moskva patriarhaadi Venemaa agressiooni toetavaks institutsiooniks [Электронный ресурс] // Riigikogu. URL: <https://www.riigikogu.ee/pressiteated/taisikogu/riigikogu-kuulutas-moskva-patriarhaadi-venemaa-agressiooni-toetavaks-institutsiooniks/> (дата обращения: 06.11.2024).

Я хотел бы отметить, что уже полгода мы слышим в публичном пространстве, что государство ведет спокойные переговоры и с Церковью, и с Монастырем, и что эти переговоры по своему содержанию занимают много времени, потому что религиозные объединения с давней религиозной традицией и принципами, которые им сопутствуют, имеют свою специфику, и понятно, что в одночасье осуществить те изменения, которые ожидает государство, невозможно.

Однако переговоры велись в одном направлении – с непоколебимым желанием и целью полного (а значит, и канонического) отделения Церкви и Монастыря от Московского Патриархата. А что значит вести переговоры?

Переговоры означают, что обе стороны обсуждают достижение возможного компромиссного соглашения, а если переговоры этим не заканчиваются, стороны расходятся и используют другие варианты. Переговоры между Церковью и Монастырем так не закончились – они были прерваны 23.10.2024 в зале Рийгикогу, когда министр внутренних дел сделал публичное политическое заявление о внутренней безопасности², неожиданным образом сопровождаемое объявлением об изменении Закона о церквях и приходах. Станным образом во время представления этого политического заявления он сообщил о процедуре подготовки изменений в один из законов – поправок к Закону о церквях и приходах, представленных как непосредственное решение проблемы, которая привлекла внимание общественности в связи с Церковью и Монастырем.

Такие публичные шаги произвели впечатление запугивания, подчинения и давления. И это в ситуации, когда в Эстонской Республике в адрес Церкви и Монастыря не прозвучало ни одного упрека. Подобные же вопросы и сомнения поднимались и в зале Рийгикогу. Религиозные объединения и имеющие отношение к делу государственные органы к сегодняшнему дню получили материалы к законопроекту, которые недвусмысленно дают понять, что государство намерено идти по пути, на котором Церковь и Монастырь, в случае их отказа разорвать канонические связи с Московским Патриархатом, ожидало бы производство по их принудительному прекращению. Никакой другой сценарий не был доведен государством до сведения общественности или заинтересованных лиц.

В такой ситуации мы подошли к серьезному кризису в вопросе свободы вероисповедания. Если вернуться на несколько лет назад, то увидим, что вопрос о свободе вероисповедания уже публично поднимался во время ковидного кризиса. В случае ограничений именно церкви оставались

---

² Video, blogi ja fotod. Siseminister Lauri Läänemetsa poliitiline avaldus [Электронный ресурс] // Postimees. URL: <https://www.postimees.ee/8120558/video-blogi-ja-fotod-siseminister-lauri-laanimetsa-poliitiline-avaldus> (дата обращения: 06.11.2024).

открытыми, куда люди могли прийти и найти там духовную поддержку³. Это и тогда вызвало публичную дискуссию о том, что на самом деле означает свобода вероисповедания и как важно взвешивать любую возможность ее ограничения. Были и такие люди, которые считали, что для защиты жизни и здоровья людей церкви необходимо закрыть.

Общество посчитало правильным оставить религиозные организации открытыми, чтобы оказывать людям поддержку, предоставлять возможность собраться и чувствовать общность, и мы, следуя этим принципам, так и поступили. Таким образом, религиозные объединения рассматривались как объединяющие, а не разъединяющие.

Обращаю ваше внимание на Конституцию Эстонской Республики (ст. 40) и хочу отметить, что министр внутренних дел очень четко заявил в Рийгикогу, что поправки, которые в будущем в такой форме могут поставить под угрозу существование Церкви и Монастыря, сделаны в целях государственной безопасности, чтобы защитить как священнослужителей, так и прихожан этих религиозных объединений от неясных и неопределенных влияний в будущем. Такой подход представлен весьма туманно, поскольку Конституция Эстонской Республики предусматривает очень четкую оговорку в отношении защиты свободы вероисповедания, согласно которой при проведении богослужений, то есть при осуществлении свободы вероисповедания, не может быть нанесен ущерб общественному порядку, здоровью или нравственности.

Здесь нет и речи о безопасности как таковой, и Европейский суд по правам человека разъяснил это: только лишь аргумент о безопасности не может быть основанием для отказа от защиты свободы вероисповедания. Общественный порядок – это то, что с течением времени вполне утвердилось в нашей стране на основе правовых и моральных принципов, которые защищают членов общества. Здоровье означает, что ничья жизнь не должна подвергаться опасности при проведении богослужений, а нравственность связана с моральными нормами, которые не должны нарушаться при совершении богослужений и соблюдении свободы вероисповедания. В отношении зарегистрированных в Эстонии частных юридических лиц, каковыми по существу и являются Церковь и Монастырь, не было выдвинуто никаких упреков. Таким образом, в данном случае нет оснований говорить об оправданности какого-либо вмешательства в свободу вероисповедания и ее

---

³ Jumalateenistused jäävad ära, kuid kirikud jäävad avatuks [Электронный ресурс] // ERR. URL: <https://www.err.ee/1064084/jumalateenistused-jaavad-ara-kuid-kirikud-jaavad-avatuks> (дата обращения: 06.11.2024).

осуществление. Церковь и монастырь не представляют угрозы сохранению конституционного строя Эстонской Республики.

По сути, осуществление свободы вероисповедания также связано с правом на собственные мнения и убеждения (ст. 41 Конституции Эстонской Республики). Эти права неотделимы одно от другого. Это основополагающие фундаментальные права, абсолютные по своему содержанию и ущемление в них возможно лишь в исключительных случаях. Церковь и Монастырь сообщали общественности, что они не действуют против конституционного строя Эстонской Республики и его основ. Они не провоцируют и не поддерживают нарушения общественного порядка или деятельность, угрожающую государству. Они в достаточной степени подтвердили общественности свои взгляды.

Они заявили антивоенную позицию в отношении происходящего и ясно дали понять, что как юридическое лицо, зарегистрированное в Эстонии, и как его представители, они придерживаются действующих в Эстонии законов и правил. По этой причине не было ситуаций, в которых было бы установлено нарушение закона и оправдание такого нарушения враждебными убеждениями или замалчиванием. Однако на протяжении всего процесса были остерегающие знаки, когда государство косвенно предупреждало о криминальной ответственности путем открытия различных составов преступлений, например, о принадлежности к террористической организации и поддержке ее деятельности.

Да, это может быть превентивной деятельностью, но давайте не забывать о принципе презумпции невиновности: если у нас нет оснований подозревать или обвинять кого-то, или если кто-то не был осужден, то нет и оснований выносить предупреждения о враждебной деятельности конкретной группе. Подобное враждебное и стигматизирующее отношение дало свои плоды и уже изменило общественное мнение. Приведем пример исследования общественного мнения, проведенного по заказу Государственной канцелярии, и обнародованного Эстонским национальным телерадиовещанием⁴, в котором людям, не имеющим глубоких знаний о канонической принадлежности и системе происхождения религиозного объединения, а также о ее автономии и самоопределении, был задан вопрос, следует ли им отмежеваться от материнской Церкви.

Это означает, что оно представляет собой очень серьезную форму манипуляции общественным мнением, которую можно использовать для того,

---

⁴ Uuringud [Электронный ресурс] // Riigikantselei. URL: https://www.riigikantselei.ee/uuringud?view_instance=0&current_page=1 (дата обращения: 06.11.2024).

чтобы склонить на сторону необдуманных политических решений большинство народа, которое с той же необдуманностью сформировало бы свою позицию и нарушило бы права, которые призвана защищать Конституция Эстонской Республики.

Как в Конституции Эстонской Республики, так и в Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод отмечена важная тема: запрет на дискриминацию. Мы вплотную подошли к ситуации, когда религиозные объединения уже открыто подвергаются дискриминации, когда в обществе создается или распространяется мнение, что мы имеем дело с марионетками Патриарха, которые распространяют или могут распространить его же риторику в своих приходах, хотя никаких доказательств этому нет.

Сам министр внутренних дел не упомянул о нарушениях, создавая негативный фон. Отдел по делам религий МВД не указал на какой-либо факт угрозы или нарушения. Хартия Европейского союза об основных правах и Всеобщая декларация прав человека ООН защищают свободу вероисповедания на основе одних и тех же принципов. Закон о церквях и приходах – это специальный закон, направленный на защиту свободы вероисповедания при регулировании деятельности религиозных объединений, однако в политическом заявлении, сделанном в Рийгикогу 23.10.2024, между строк читалось сообщение о том, что несогласие с изменениями приведет к возможной процедуре принудительного прекращения. Если рассмотреть действующие основания, существующие для принудительного прекращения в Законе о церквях и приходах (ст. 16), то ни одно из них не отвечает нынешней ситуации, что позволяет сделать вывод о том, что политические силы оказались в положении, когда законы Эстонской Республики не дают им правового основания для однозначного решения вопроса о расторжении канонических отношений только из соображений безопасности.

Летом 2024 года в Тарту, в приходе Святой Марии, состоялась конференция по вопросам свободы вероисповедания, где рассматривались эти проблемы и где председатель Верховного суда в своем выступлении также заявил, что принудительное прекращение как таковое – это крайняя мера, которая даже не обсуждалась на практике. Если план государства приведет к тому, что поправки к закону вступят в силу и встанет вопрос о принудительном прекращении, то у каждого гражданина Эстонской Республики, у каждого юридического лица будет основание обратиться в суд для защиты своих прав, а это значит, что с принудительным прекращением необходимо бороться на основаниях, изложенных выше.

В заключение своего выступления я хотел бы привести несколько базовых аргументов. Европейский суд по правам человека уже четко сформулировал

некоторые принципы свободы вероисповедания, на которые правительство Эстонии в настоящее время закрывает глаза и считает, что война в Украине предоставляет нам право игнорировать свою Конституцию. А в ней те же правила, из которых исходит Европейский суд по правам человека при толковании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Религиозная организация имеет право обратиться в суд и защитить себя от враждебных высказываний⁵, а также наши ученые правоведы, толкуя Конституцию Эстонской Республики в защиту свободы вероисповедания, признают, что государство должно оставаться нейтральным и беспристрастным⁶. Государство не может занимать столь категоричную позицию, которой оно придерживается сейчас. Дескать, для ликвидации или преобразования одного-двух религиозных объединений необходимо использовать законодательные атрибуты. В противном случае не может быть и речи о демократическом правовом государстве, потому что государство не должно оценивать религиозные традиции и каноническое право.

Государственная безопасность не является легитимной целью для ограничения свободы вероисповедания. В то же время те признаки, которые уже можно рассматривать как вмешательство в эту свободу, могут быть незначительными по отдельности. Например, договоры аренды, пользования, страхования, субсидирования – скажем, путем их непродления или расторжения, – которые уже частично реализовались как в случае Церкви, так и Монастыря и влекут за собой ущемление свободы вероисповедания.

Кроме того, вмешательство всегда должно быть уместным и достаточным, то есть соразмерным поставленной цели⁷. Вопрос, в чем состоит нарушение правопорядка: это угроза жизни и здоровью людей, нарушение моральных и этических норм, требующее дополнительного законодательного вмешательства? Поскольку нарушений нет, то пусть их роль играет предстоящая потенциальная угроза, неустранение которой послужит основанием для возбуждения процедуры принудительного прекращения, что противоречит необходимости принятия такой меры.

Особенно в ситуации, когда государство ранее признало необходимость и возможность переговоров, а также поиска общего языка между Эстонской

---

⁵ Eesti Vabariigi põhiseadus [Электронный ресурс] // Põhiseadus. URL: <https://pohiseadus.ee/> (дата обращения: 06.11.2024).

⁶ Там же.

⁷ Guide on Article 9. Freedom of thought, conscience and religion [Электронный ресурс] // European Court of Human Rights. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_9_eng (дата обращения: 06.11.2024).

Православной Церковью Московского Патриархата и Эстонской Апостольско-Православной Церковью. Такие процессы и действия требуют много времени и не могут быть заменены мерами, ущемляющими свободу вероисповедания.

Следует подчеркнуть, что принудительное прекращение юридических лиц – это радикальное последнее средство, исходящее из принципа *ultima ratio*. Нельзя без доказательств ставить под сомнение легитимность верований и религиозных служб религиозных общин. Нельзя просто предполагать, что в Церкви и Монастыре в каких-то тайных помещениях ведется какая-то антигосударственная деятельность, что прихожан пытаются настроить против государства или, несмотря на публичные заверения, они готовы нарушить заявленные принципы. Принятие соответствующих мер – на ответственности Церкви и Монастыря как религиозных организаций, которые обязаны защищать себя от таких влияний.

Когда речь идет об оскорбительном сообщении и ограничении свободы вероисповедания, связь между ними не обязательно должна быть прямой, она может быть потенциальной. Если мы сейчас говорим о том, что в будущем религиозное объединение может стать потенциальной почвой для использования в деятельности против эстонского государства, то уже само по себе это означает посягательство на свободу вероисповедания и ее ущемление. Обобщенный перенос высказываний Патриарха на всё религиозное движение непозволителен по своему содержанию, и в такой ситуации местной институции должна быть предоставлена возможность защитить себя. Были публично выдвинуты собственные аргументы и точки зрения, которые прямо свидетельствуют о неприсоединении к словам Патриарха относительно военной ситуации между Россией и Украиной.

Было пояснено, что они отстраняются от этого вопроса, равно как и от политической жизни. Кроме того, Европейский суд по правам человека (Guide 2024 ст. 230–231) поддержал мнение о том, что внутренняя структура Церкви и регулирование членства входят в сферу защиты свободы вероисповедания.

Таким образом, если все-таки покушаются на эту структуру и требуют ее перестройки, то необходимо соблюдать вышеупомянутый принцип свободы вероисповедания. Государство не должно решать внутрицерковные конфликты, то есть определять, как и каким образом должен поступать Патриарх или как именно должны договариваться Православные Церкви, действующие в Эстонии, в своих дружеских отношениях. Это вопрос, в котором государство явно переступает свои границы и компетенции. Это очень деликатный вопрос, и я верю, что государство очень умело его парирует, но, меняя закон, мы окажемся лицом к лицу с несколькими угрозами

действительной свободе вероисповедания и в худшем случае – с ее ущемлением.